

УДК 32.075.83

Романова Елена Вениаминовна, к.ф.н., доцент кафедры физического воспитания, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия.
E-mail: romanovaev.2007@mail.ru

ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЕВРАЗИЙСТВА

Аннотация. В аналитическом обзоре представлен развернутый анализ социально-философских идей представителей раннего евразийства. Представлены в сравнительном анализе методологические положения современных исследователей и принципы евразийства. Рассмотренные культурологические принципы евразийства позволяют выработать подход к воспитанию гармонически развитой личности и определить значимые ценности в современном обществе. Подходы современных авторов в русле евразийства позволяют наиболее глубоко рассмотреть специфику развития общества на территории России-Евразии.

Ключевые слова: гармонически развитая личность, культура общества, общеевразийские ценности, воспитание, симфоническая личность, физическая культура и здоровье человека.

Современное общество развивается противоречиво. Трактовки по вопросу гармонически развитой личности и общества неоднозначны. Исследователи рассматривают эту проблему с разных сторон, но все разработки сводятся к вопросам как сформировать гармонически развитую личность и общество.

Проблему человека и общества без преувеличения можно назвать важнейшей проблемой не только философской антропологии, но и всей философии в целом. Во все времена философы пытались разгадать тайну бытия человека и постичь смысл его существования. Однако, несмотря на все эти попытки, вопрос о том, кто мы такие, по-прежнему остается открытым и по-прежнему требует своего решения. Эту проблему не противореча общим идеям евразийства пытается вновь актуализировать исходя из запросов современного общества современный философ И.В. Черданцева [1, с. 6-14].

Опираясь на современные исследования, можно отметить красной линией естественно-научные подходы, среди которых интерес представляют работы Дегтярева С. И. [2, с. 65-68]. С этих позиций современные мыслители указывают взаимосвязь физического и духовного развития личности [3, с. 153-155], определяют роль педагогического влияния на развитие личности, указывая фактор повышения здоровьесберегающей составляющей процесса физического

воспитания [4, с. 75-79]. При рассмотрении вопроса гармонически развитой личности, Н. М. Лобыгина, А. О. Тиканов, А. Ю. Крыловский считают важным исследовать вопрос мотивации молодежи к здоровому образу жизни. В продолжении этой темы [5, с. 65-71]. Дугнист П. Я. акцентирует внимание на здоровьесберегающих технологиях в вузе [6, с. 72-75]. Приведенные мыслители рассматривая вопросы современности, не в коем случае не противореча идеям евразийцев, которые разработали общие подходы к рассмотрению общества и личности. Эти и многие другие проблемы духовного и физического развития человека и общества предвидели евразийские мыслители.

Евразийцы рассматривали человека и общество комплексно, системно, учитывая все связи. Евразийские мыслители считали, что любой социальный феномен должен пониматься только в целостном культурном контексте, частью которого он является: он является целостностью, состоящей из множества согласованных, внутренне связанных, как бы «притертых» друг к другу частей. Л.П. Карсавин, по сути дела, выразил самую суть системного подхода: «Целое не сумма индивидуальных сфер, и нет непроницаемой для целого индивидуальной сферы, ибо тогда бы они не являлись целым и оно само не существовало. Но равным образом вне индивидуальных сфер нет особой сферы целого. Однако есть реальное единство и (эмпирически: только) реальная согласованность множества индивидуальных сфер, как само целое» [7, с. 195].

Как отмечали сами евразийцы, их подход к исследованию вопроса гармонически развитой личности и общества носит комплексный характер – одна группа идей дополняет другую и они находятся в функциональной связи. В письме к П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой писал, что евразийские методологические идеи отчеканились настолько, что их, с одной стороны, можно превратить в шпаргалку, а с другой, – в фундамент для серьезной специальной научной работы. «Наши географическо-историософские схемы настолько отшлифованы, что историку стоит только усесться на них – и он автоматически покатится, как по рельсам, именно туда, куда нам нужно» [8, с.42-43]. При более внимательном анализе убеждаешься в справедливости этих мыслей Н.С. Трубецкого. В целом можно утверждать, что методология евразийского учения основывалась на следующих общих принципах.

Прежде всего, необходимо отметить принципы, имеющие основание в цивилизационной теории. Так же как и А.Д. Тойнби, евразийцы склонны были считать, что цивилизации возникали как коллективный ответ на тотальный вызов со стороны других цивилизаций. Евразийская цивилизация возникла как ответ на вызов со стороны своих западных и восточных соседей, как союз, опирающийся на общность культур родственных народов. У народов Евразии наряду с национальными есть общие цивилизационные черты и интересы, фиксируемые евразийцами в понятии симфонической («соборной») личности.

Понятие личности в евразийском учении является многогранным и многоаспектным. Личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих или могущих создать особую культуру. Она рассматривается как особая «соборная симфоническая многочиселовеческая, многонародная» личность [9, с. 93].

Идея соборной личности занимает центральное место в мировоззрении евразийцев. Они вносят его также и в проблематику философии истории. Культуру и культурно-исторические миры они понимают как особого рода «симфоническую личность» [10, с. 99].

В «Основах политики» Л.П. Карсавин указывает, что «субъект развития может быть индивидуальным или соборным (симфоническим)». Примерами «соборных» субъектов являются «этническая группа», «этническая общность», «народ», «нация».

«Соборный», «симфонический» субъект (симфоническая соборная личность) как целое не существует сам по себе. Он проявляется через индивидуумов, которые являются его структурными элементами, выражающими целое каждый по-своему. Отдельный субъект вне системы, по мнению евразийцев, всегда несовершенен. Совершенно только единство разных личностей. Полнота личности предполагает ее членство в соборности, и одновременно, для бытия соборного целого (этнической группы, народа) необходима сфера индивидуального бытия. «Целое, – писал в этой связи Л.П. Карсавин, – не существует само по себе, отвлеченно, но – только чрез индивидуумов, в индивидуумах и в качестве современного и всепространственного единства индивидуумов, которые и являются его «моментами», выражающими его каждый по-своему. Поэтому раз целое существует, существует уже и выражающее его множество индивидуумов, существует и каждый из них, как само свободно осуществляющее себя в специфической сфере целое» [7, с. 188].

Учение евразийцев о личности (многонациональной, «согласованной, симфонической, соборной, хоровой»), по мнению П. Савицкого, позволяет создать новую науку «просопологию» [11, с. 13].

«Просопология», согласно П.Н Савицкому, изучает личности как живое и органическое единство многообразия. Связи между личностями не являются механическими, в виде отвлеченной системы. Личности пребывают в органическом единстве. Важно обратить внимание на то, что, согласно просопологии, личность – такое единство множества (ее состояний, проявлений и т. д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют. «Личность – единство множества и множество единства. Она – всеединство....» [11, с. 12]. Данная теория П.Н. Савицкого перекликается с «персонологией» Н.С. Трубецкого. В этих теориях реальностью признается не

только индивидуальная личность (которая по существу своему вовсе не только индивидуальная), но и социальная группа, сословие, класс, народ, субъект культуры (например, русско-евразийская культура, объемлющая многие народы, европейская культура и т. д.), и человечество. Евразийцы наделяют личность в отличие от индивидуумов, «соборными», или «симфоническими» качествами. Симфоническая личность – это не только единство индивидуальных личностей, это – пространство и среда.

Евразийцы признают, что эмпирически симфоническая личность, как, впрочем, и личность индивидуальная, всегда несовершенна. Ее развитие и рост достигается во взаимообщении и взаимопознании индивидуумов, в частности в таких явлениях, как обучение, воспитание, соединение их в увлеченности общей идеей и т. п.

В трактовке Н.Н. Алексеева личностью называется то, что по существу своему не может быть определено как вещь, субстанция или предмет. Существо личности составляет ее свободная актуальность – способность совершать различные, направленные на известный предмет духовные акты (любить, познавать, стремиться и т.п.), сознавать их и переживать в процессе их исполнения. Личность является сознательным существом, осмысленно действующим, но главное – что отмечают евразийцы – ответственным за свое прошлое, настоящее и будущее. Она не только живет и нечто переживает, но и отдает отчет в том, чем живет и что переживает. Личность не только обладает телесно-душевым бытием, но и чувствует себя принадлежащим к высшему, духовному миру, к миру смысла, раскрывающегося во всем, что дано и пережито [12, с. 440].

На основе теории «симфонической соборной личности», по мнению евразийцев, и должны строиться различные модели межэтнического взаимодействия на евразийском пространстве, которые учитывают «должные формы сожительства наций» [10, с. 98–113] или «закон братания». Это закон о существовании подсознательных притяжений и симпатий. Обратные случаи, т.е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами, в Евразии очень редки. Н.С. Трубецкой обращает внимание на то, что одних этих подсознательных чувств недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. «Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя, прежде всего, как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов» [13, с. 502]. Н.С. Трубецкой приводит конкретный пример, что по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую, не чисто евразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам

входят в группу славянских народов; татары, чувашаи, черемисы и др. – в группу туранских народов; татары, башкиры, сарты и др. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов. Н.С. Трубецкой заключает, что эти связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, объединяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должен быть на первом плане. Эти связи должны строиться прежде всего на евразийской идеи братства народов [13, с. 503].

Концепцию «братства народов», единство симфонической личности народов Евразии, развивает в своих трудах П.Н. Савицкий. «Недаром над Евразией, – пишет он, – веет дух своеобразного братства народов, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас – от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это братство народов выражается в том, что здесь нет противоположения высших и низших рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу» [14, с. 295–303].

Другой важный принцип евразийского этнокультурного подхода – принцип «терпимости». Терпимость как элемент евразийского мировоззрения накладывается на цивилизационное самосознание. Он, как и принцип соборности, является скрепляющим элементом в межэтнических отношениях. Так, можно утверждать, что, несмотря на наличие множества этносов и конфессий на евразийском пространстве, существуют исторически сложившиеся механизмы мирного сосуществования и диалога православия, мусульманства, буддизма и язычества на территории России-Евразии. Эта «терпимость» религий и этносов в отношении друг друга берет свое начало в онтологическом принципе всеединства.

Особенно ярко эта идея развита Л. П. Карсавиным, которую он органически сопрягает с понятием «симфонической личности». «Интуиция всеединства, – пишет Л.П. Карсавин, – непримирима с типичным для Запада механистическим истолкованием мира. <...>. Православие глубоко космично и потому сильнее и полнее, чем Запад переживает в себе прозрения эллинства, сопряженные с жизнью мира» [15, с. 319].

Этнокультурная сфера всегда есть нечто большее и целое, чем то, что несут ее отдельные части. Главными же выразителями симфонической личности этнокультурной сферы является нация и человечество. История складывается, по Л.П. Карсавину, из действий различных «симфонических личностей», каждая из которых актуализирует высшее, являясь его частным моментом.

В отличие от рационалистической традиции Запада, формирующей представление о личности как об обособленном и враждующем с другими индивиде, Л.П. Карсавин указывает, что реальность личности проявляется лишь

в многообразии ее деятельности и связей с другими. Поэтому личность может рассматриваться лишь как симфония множественности, входящая в целостную иерархию более сложных симфонических личностей – социальных групп, народов, культур. И принцип терпимости, принятия в себе другого – важнейшее условие такого всеединого бытия. Применительно к этнокультурным процессам это означает, что отношения между этносами должны выстраиваться по принципу равноценности и качественной несоизмеримости их культур, универсальной значимости всех народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. «Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими, – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо. Только вполне преодолев этот глубоко вкоренившийся эгоцентрический предрассудок и изгнав его последствия из самих методов и выводов, до сих пор строившихся на нем, европейские эволюционные науки, в частности этнология, антропология и история культуры, станут настоящими научными дисциплинами» [16, с. 41-43].

Само понятие «месторазвитие» в этнокультурном смысле впервые выдвигает П.Н. Савицкий [17, с. 282–284]. В рамках этого понятия объединяются проблемы и методы исторических, географических и культурологических исследований. Именно в этом П.Н. Савицкий видел залог успешного развития обществоведческого знания [18, с. 123–124].

По мнению П.Н. Савицкого, концепция «месторазвития» обращена к социально-историческому миру. «Месторазвитие» является «общежитием человека - общества – природы» широкого порядка, построенного на основе «генетических вековечных связей между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой. В этих общежитиях элементы взаимно приспособлены друг к другу и находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба, и, в свою очередь, влияют на внешнюю среду. Взаимное приспособление живых существ в тесной связи с внешними географическими условиями, создает свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость. Такое широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами месторазвитием» [17, с. 282–283].

Роль географического фактора (ландшафт, климат, растительный и животный мир), по мнению евразийцев, несомненно, велика. Они выдвигают еще один термин, определяющий пространство, на котором развивается культура – «геософия». «Социально-историческая среда и географическая обстановка, – пишет Г.В. Вернадский, – сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ, различная совокупность социально-

исторических и географических признаков образуют различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории. Таким образом, может быть установлена система сменяющихся типов месторазвитий» [19, с. 8-9].

Культура, «наложенная на сетку географических различий» [17, с. 288], является системообразующим фактором для народов России. Ключевое значение для геополитического и нравственно-культурного взаимодействия народов в современном мире приобретает самосознание и ответственность перед окружающей социальной и биологической средой, стоящей преградой силам разложения и гибели. Чрезвычайно важным является и тот факт, что решение хозяйственно-экономических и религиозно-нравственных противоречий, возникающих в процессе взаимодействия народов, должно осуществляться целостно, на основе учета естественных механизмов, веками складывающихся в определенном «месторазвитии».

Евразийская идея «месторазвития» оказалась близкой не только многим представителям отечественной мысли, но и некоторым западным мыслителям. Так, Вальтер Шубарт, пытаясь познать сущность Западно-Восточного конфликта, устанавливает зависимость развития народов от особенностей ландшафта, «месторазвития» [20, с. 88-89]. По его мнению, горы создают один тип цивилизации, в то время как степь не имеет ни границ, ни имени. В горах каждая вершина, каждая долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это благоприятствует укреплению в человеке самостоятельности, но также развивает в нем себялюбие и замкнутость. Это защищает от искусственной централизации, но создает и опасность раздробления. Суровые местности делают человека твердым, деятельным и заботливым о будущем. Теплые же и плодородные местности развивают стремление к созерцательности.

Однако, трактовка роли географических факторов у евразийцев в существовании этносов намного шире и целостнее, чем у В. Шубарта. Так, географические параметры (у П.Н. Савицкого параметры «месторазвития») бытия этноса выступают как системообразующие применительно к элементам его внутренней жизни и внешних условий существования личности и общества. Трубецкой по этому поводу писал, что народы Евразии есть географическое, экономическое и историческое целое. «Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям» [13, с. 502-503].

Чтобы народы Евразии не привести к страданиям на настоящем этапе культурно-исторического развития человечества все более актуальной становится этническая характеристика тех или иных общественных проявлений, основанная на евразийских идеях. Объяснительным принципом здесь становится

принцип «этнического своеобразия и неповторимости взаимодействующих культур».

В условиях «мозаичности» общества этот принцип позволяет учитывать весьма тонкие этнические различия и взаимосвязи этносов.

Н.С. Трубецкой посвятил несколько специальных работ, раскрывающих этот принцип [21, с. 86-103; 22, с. 351–377]. Он подчеркивал непреходящую ценность отдельных этнических культур, которые не являются обособленными, а находятся в определенных связях, взаимодействиях, контактах [23, с. 78]. Н.С. Трубецкой устанавливает здесь любопытные этнокультурные закономерности: во-первых, ни один народ не способен полностью перейти на культуру другого; во-вторых, невозможны даже какие-либо аутентичные культурные заимствования, так как в новой культурной среде поступающая извне информация в обязательном порядке перерабатывается; наконец, в-третьих, культурные заимствования могут быть полезны или вообще иметь место только при контактах между близкими по духу культурами. Попав в благоприятную для себя по духу этносоциальную среду, народ может слиться с ней в гармоничную многокомпонентную общность. В противном случае культурное взаимодействие ведет либо к деформации культуры этноса, либо к ее полному разложению [16, с. 50-53; 21, с. 87, 24, с.112]. Л.П. Карсавин добавлял, что чуждые культурные компоненты могут послужить ферментами распада.

Любопытно, что схожие идеи в этом вопросе мы находим у И. Канта, а так же у Ш. Монтескье. И. Кант исходит из предпосылки, что народ - это объединенное в одной местности множество людей, составляющих единое целое. Его характер и особенности формируются под давлением внешних природных, ландшафтных и климатических факторов. Этот характер передается по наследству потомкам как «дух народа» [25, с. 590-591]. Ш.-Л. Монтескье «дух народа» определял климато-географическими факторами [26].

Особое внимание в этнокультурной концепции евразийцы уделяют механизмам оптимального взаимодействия как между народами России-Евразии, так и с сопредельными народами в трех указанных выше аспектах: природно-географическом, социально-хозяйственном и культурно-психологическом. В контексте данного подхода огромное значение имеет научно обоснованная теория этнокультурного взаимодействия этнических общностей различных месторазвитий. Здесь показательны прежде всего работы Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» [16] и П.Н. Савицкого «Европа и Евразия» [28, с. 119-138]. На настоящем этапе культурно-исторического развития России, на наш взгляд, характерно крайнее смешение этнических особенностей многих народов. По мнению евразийцев, ассимиляция различных народов может проходить по разным основаниям. При отсутствии антропологического смешения возможно именно лишь слияние культур. Приобщение, наоборот, возможно лишь при антропологическом смешении. «Таковы, например,

приобщение манжуров к культуре Китая, гиксов – к культуре Египта, варягов и тюрко-болгар – к культуре славян и т.д., далее – приобщение пруссов, полабов и лужичан (в этом последнем случае пока еще не полное) к культуре немцев» [16, с. 55-56]. На вопрос: «Возможно ли полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, без антропологического смешения обоих народов?» – Н.С. Трубецкой отвечает отрицательно.

Таким образом, без антропологического смешения возможен лишь суррогат полного усвоения культуры, при котором усваивается лишь «статика» культуры, но не ее «динамика», т.е. народ, усвоив современное состояние европейской культуры, оказывается неспособным к дальнейшему собственному развитию. Вследствие этого данный народ всегда будет «отставать» от титульного народа, т.е. усваивать и воспроизводить различные этапы его культурного развития всегда с известным запозданием, и окажется по отношению к титульным народам в невыгодном, подчиненном положении, в материальной и духовной зависимости от них [16, с. 80-82]. Эти же идеи развивает и современный исследователь евразийства В.Я. Баркалов в своем журнале «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения» [28, с. 61-71].

Евразийские мыслители раскрывают особенности процесса этнической маргинализации общества и психики конкретных людей в социокультурном и природно-биологическом отношении, которая может происходить в результате взаимодействия народов различных «месторазвитий» и насильственного навязывания чужеродных элементов культуры. Углубляет эти идеи евразийства, в своих разработках современный мыслитель Т.А. Семилет отмечает сущее и должное евразийского культурно-информационного пространства [29, с. 89-97]. Дополнения к рассуждениям евразийцев об особенностях менталитета и ментальности народов Евразии можно увидеть в работе А.В. Метелева [30, с.051-056.]. Несколько иные подходы к определению вектора развития современного общества, не противореча евразийским идеям, наблюдаются у группы исследователей – политологов. Овчаров Г.А. указывает на целесообразность восточного вектора взаимодействия народов России [31, с. 396-402]. Среди этих идей будет уместным утверждение философа В.П. Федюкина о проблематичности концепции универсальной истории [32, с. 79-83].

Евразийские идеи являются основой для системного рассмотрения гармонически развитой личности и общества. Подходы современных авторов в русле евразийства позволяют наиболее глубоко рассмотреть специфику развития общества на территории России-Евразии.

Библиографический список

1 Черданцева И.В. Прологомены к пониманию человека в философии. - Барнаул : Изд-во «Концепт», 2014. - 166 с.

- 2 Дегтярев С. И. Идеи естественно-научного материализма как философские основания валеологии воспитания // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта: материалы Международной научно-практической конференции / под общей ред. П.Я. Дугниста, П. Г. Воронцова, Е.В. Романовой, - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015 . - С. 65-68*
- 3 Санькова И. Ю. Взаимосвязь физического и духовного развития личности // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта: материалы Международной научно-практической конференции / под общей ред. П.Я. Дугниста, П. Г. Воронцова, Е.В. Романовой, - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. - С. 153-155*
- 4 Дылкина Т. В. Педагогическое взаимодействие как фактор повышения здоровьесберегающей составляющей процесса физического воспитания // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта: материалы Международной научно-практической конференции / под общей ред. П.Я. Дугниста, П. Г. Воронцова, Е.В. Романовой, - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015». С. 75-79*
- 5 Лобыгина Н.М., Тиканов А.О., Крыловский А. Ю. Мотивация студентов к занятиям физической культурой в вузе // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2016. - №1. С.65-71*
- 6 Дугнист П. Я. Моделирование здоровьесберегающих технологий в вузе // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта: материалы Международной научно-практической конференции / под общей ред. П.Я. Дугниста, П. Г. Воронцова, Е.В. Романовой, - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. - С. 72-75*
- 7 Карсавин Л.П. Основы политики // *Евразийский. временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – С. 195.*
- 8 Письмо Н.С. Трубецкого к П.П. Сувчинскому от 28 апреля 1926 г. // *Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. – М., 1992. – С. 42–43.*
- 9 Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // *Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 93.*
- 10 Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // *Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С.99.*
- 11 Савицкий П.Н. Евразийство (опыт систематического изложения). – Париж: Евраз. кн. изд-во, 1926. – С. 13.
- 12 Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 440.
- 13 Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // *Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2000. – С. 502.*
- 14 Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // *Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 295–303.*
- 15 Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея // *Русская идея / сост. М.А. Маслин. – М., 1992. – С. 319.*

- 16 Трубецкой Н.С. Европа и человечество. – София, 1920. – С. 41–43.
- 17 Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 282–284.
- 18 Савицкий П.Н. Евразийская концепция русской истории // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 123–124.
- 19 Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – Прага, 1927. – Ч. 1.– С. 8–9.
- 20 Шубарт В. Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. – 1992. – №6. – С. 88–89.
- 21 Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. – София, 1921. – С. 86–103;
- 22 Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. – Берлин, 1925. – Кн. 4. – С. 351–377.
- 23 Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. – София, 1921. – С. 78.
- 24 Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. – Берлин, 1923. – Кн. 3. – С. 112.
- 25 Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994. – С. 590–591.
- 26 Монтескье Ш.-Л. О духе законов. – М., 1995. – 560 с.
- 27 Савицкий П.Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. – 1921. – Кн. 1/2. - С. 119–138
- 28 Баркалов В.Я. Кто мы? Русские или евразийцы // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. № 7. - С. 61-71.
- 29 Семилет Т.А. Сущее и должное евразийского культурно-информационного пространства. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. № 7. - С. 89-97.
- 30 Метелев А.В. Ментальность в этимологической и категориальной системах. // Известия Алтайского государственного университета. - 2000. № 4. - С. 051-056.
- 31 Овчаров Г.А. Восточный вектор внешней политики РФ. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. № 7. - С. 396-402.
- 32 Федюкин В.П. Проблематичность концепции универсальной истории // Гуманитарные знания в образовательном пространстве регионов. Материалы международной научно-практической конференции. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. - С. 79-83.